

An underwater scene with a blue background. On the left, a diver's legs in blue fins are visible. On the right, the head of a shark is partially visible. A large pink rectangle is centered on the page, containing text.

Пантелеев Ярослав

Дюжина светлых
(Лайт версия)

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Ярослав Романович Пантелеев

Дюжина светлых. Лайт версия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68290081

SelfPub; 2022

Аннотация

Мини-сборник прозаических текстов сетевого писателя Пантелеева Ярослава Романовича. Помимо произведений, уже вышедших на этой площадке в предыдущих сборниках, есть и редкая вещь – "Немой". Приятного чтения, случайный читатель! У сборника есть альтернативная версия на площадке "я пишу нет". Он отличается порядком некоторых произведений, и вместо текста "разговор с учителем" в него входит рассказ "Хорошее отношение"

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Император	4
Разговор с Учителем	9
Поколение подземка	10
Немой	12
Якоб Хлебски	15
Поезда	18
Как дом на колесах Якоба Хлебски взлетел	20
Лифт из дома 21	22
Новая земля	26
Чистовик жизни	29
Алиса	31
Последняя радость Оксаны	33

Ярослав Пантелеев

Дюжина светлых.

Лайт версия

Император

Император сидел на веранде и смотрел через окно на свой двор. По двору ходили Императорские петухи. Гордые, с живым наглым взглядом они рассматривали небо, если бы оно было из бумаги, петухи бы его давно проткнули – на столь острый взгляд был у этих разноцветных птиц.

А по небу плыли облака. И эти облака отражались во хмурым взгляде петухов, облака в зрачках петухов, как один кушочек одного мира отражается в ином. Как луч луны проникающий на дно колодца, касаясь глубины становится не отъемлемой частью другой вселенной.

На скотном дворе были еще лошади. Их взгляд был нагл, и он не был направлен в небо, все лошади, как одна углублялись в землю. К корням, к истине. Лошадям не нужно было небо, не нужен был космос, не нужно было отражаться в другом верхнем мире, они были привязаны к земле, к плугу, к труду. К физическому изнурительному труду, и даже сейчас во время отдыха, им незачем было смотреть на небо, ло-

шади знали кто их мать, кто их кормит и поит.

Так же на скотном дворе были собаки, как старые так и молодые. И взгляды у собак были разные. И смотрели они на разные вещи. Каждая по своему. Но все без исключения любили своего отца Императора.

Но самые странные были на скотном дворе люди. Их взгляд был пуст, он не отражал ничего. Не злости, не любви, не огня, не смерти. Люди бродили из стороны в сторону, собирая камни, чтобы ими кидать в друг друга. Они были глупы, что бы понять что это пустая трата времени, да и понимать им было не зачем.

А Император перечеркнул старую картинку в блокноте, оторвал и дунул. Заискрилось, ожила. Появились новые краски. Император рассмеялся и растаял в этой палитре, как сахар в чае. Остался только мертвый глаз в небе.

«Порой рыбу от мяса отделяет только стук жизненных колес»

Эссе N 8

Товарищ Радужный стоял за баррикадой и смотрел в бинокль на растекающее со всех сторон, бескрайнее, русское поле. Поле было изрыто, изранено революцией. Белые кроты капали где-то вблизи, с ружьями- лопатами на перевес. Белые кроты готовили что-то грандиозное, хитрое, подлое.

Радужный про себя ухмыльнулся «а когда было иначе? ». Казалось война шла не год, а век. А поле затягивало своей

обноженностью, своей всеобъемлющей сущностью. «а когда было иначе? – да никогда».

Солнце село за горизонт, казалось выгорело как пламя спички. Где-то в подземке челкал печатной машинкой слепой машинист, заката – не было. А машинист все щелкал, челкал, печатал буквы, а заката не было.

За чаем, за малиной, слепой машинист рассказывал Радужному, как сам в былые времена бил врагов на право и налево, когда у него еще было зрение- и закат тогда тоже был.

Радужной только ухмылялся, красной ухмылкой, да молча опрокидывал в себя кружки чая.

В землянке машиниста было комфортно. Тепло. Горела старая печка, убивая злые дрова, по середине стол, около стола лавка а на столе печатная машинка, на которой машинист челкал. Выгорала лампочка посередине, умирая от собственной энергии. Все дышало умеренным комфортом, так необходимым творческому человеку.

– А какой он закат? – вдруг после долгого молчания заговорил слепой машинист – вот ты, можешь себя представить закат сейчас? В этой землянке, глубоко в земле?

Товарища Радужного вопрос смутил. Лоб напрягся обнажив глубокие морщины, глаза засверкали от работы головы. Рот приоткрылся, но тут же закрылся. Товарищ Радужный не знал.

– А я – видел – продолжил машинист – мне сам Император письма слал, а я видел и читал. А как ответил на письма

– так Император меня зрения решил...

Радужный молча кивнул, хотя ничего не понимал в словах машиниста.

– Решил не за то что ответил – а за то что осознал. И тут закат и закрылся... Начался рассвет и революция. И много работы...

– Кроты- заговорил вдруг Радужный и тут же осекся. Говорить с машинистом о кротах было бессмысленно, так как он очевидно другую революцию имел ввиду. Но все же продолжил – Кроты что-то замышляют. На левой фронте говорят, что они хотят очернить священные писания.

Машинист ушел в себя. Закрыл свой красные, слезившиеся гноем мертвые глаза, и начал сопеть, как старый больной пес. Радужный испугался. Хотел было уже уйти, но машинист вдруг вышел из этого состояния. И медленно, подойдя к печатной машинке, вытащил лист на котором был напечатано какое-то письмо. Оно было изжевано временем, но в нем еще был стиль, и слова были весьма разборчивы.

Радужный, не спеша, и почти не напрягаясь начал читать. Но по процессу времени написанное привадило его в шоковое состояние. Прочел, и посмотрел на машиниста осоловелыми глазами.

– И это все?

– Да – безразлично ответил машинист.

Где-то в теле Радужного еще булькал чай, но мысли отдавали звучным эхом шока в голове.

–Значит, победа? – изумленно спросил через какое-то время Радужный.

–Значит, победа- так же равнодушно ответил машинист

– Что-то мне от этого совершенно не радостно – пожаловался товарищ

Машинист кивнул, высоко запрокинув свою голову ...

Баррикада лопнула:все покрылось инеем и тишиной. Все вокруг онемело, замолчало навсегда. Только русское поле, пело своими колосьями, какую-то странную потустороннюю песню. Бывший Товарищ Радужный шел по полю, утопая в внешнем беззвучии, он шел на свет костров за горизонтом. Бывший Товарищ Радужный шел к бывшему Павшему Императору, который снова был жив...

Он знает. Император выслушает его. Уставшего, больного, голодного солдата. Услышит и даст хлеб и надежду. Бывшего солдата, бывшего Товарища, он выслушает и даст опору. Он не может иначе ведь он добр и всемогущ. А главное добр. И всемогуще добр.

Разговор с Учителем

Когда мы сидели двое в акациях белого гороха – я и мой учитель, у нас пошла речь о человеческом сознании. «Вся правда в том, что человеческое сознание давно не факел» «А что же тогда?» «Человеческое сознание это нейролептик, заставляющий видеть в акациях белого гороха – акации белого гороха и ничего более. То есть на самом то деле мы можем увидеть ВСЕ, только нам этого не надо, мы обескуражены самоочевидностью. Ничто не делает....» Тут мой учитель прервался, поскольку из его рта появилось предупреждение «Следующая информация платная». Я бросил в его спинной нерв пени, и учитель снова звонкой каплей молочного улуна продолжил говорить....

«04.10.22»

Поколение подземка

Леша принадлежал к поколению, которое напрочь не знало что- такое закаты и рассветы, поколению подземка. Люди покинули землю и недавно обосновались под землей, и вот родилось новое поколение молодых людей воспитанных на подземных ценностях. Это поколение, разболтанных сорванцов, которые не знают что такое свет в любом смысле этого слова. И Леша тоже не знает. Бедные, молодые люди- печально говорит взрослое поколение- у них нет совершенно моральных ценностей- и они правы, какие моральные ценности могут быть у детей подземелья.

Каждый вечер Леша, как и все дети, расчищал торф, и грузил уголь, а днем развлекался с друзьями по несчастью или спал. Леша не любил подземку и хотел узнать верхний мир

Лучший друг Леша Рома был крепышом, со стальным взглядом. Они вместе ходили ловить червяков, которых в подземелье было пруд пруди.

– А знаешь- сказал ему однажды Рома- почему старшее поколение нас так не любит?

Леша помотал головой.

– Потому что мы Солнца не видели- ответил обрадованный незнанием Леша Рома, как ученик, который выучил лучше урок своего соседа по парте.

Леша мотнул головой. – Не знаю ничего про это- сказал он – Зато я знаю- ответил Рома. На том разговор и кончился.

Жизнь в подземелье была скучна, и шла медленным тягучем чередом. Дни летели, ребята становились все старше.

– А давай пока не кто не видит, на солнце посмотрим- предложил однажды Леша.

– Не- из подземки высовываться я не буду- опроверг идею Рома. – Мне не интересен верхний мир, не хочу быть как они, наше прошлое поколение. На то мы и дети подземелья, чтобы оставаться в подземелье.

– Я с тобой не согласен- лишь пробубнил Леша.

Однажды Леша проснулся, и понял что больше так не может. Он начал думать, анализировать ситуацию и пришел к такому выводу, либо сегодня, либо больше никогда. Он встал, осмотрелся, и начал раздвигать лопатой стены подземелья. Вот одна трещинка, вот вторая- и вот уже третья. Верхний мир начал наползать, и солнце просачиваться внутрь. День бил во всю. Поток солнца захлестнул Лешу с головой, и вдруг он заметил, что скользит по стенам подземелья, как луч.

Он боялся проснуться, но все же ущипнул себя. Нет. Это была явь. Вот летит, несясь благодаря солнечному потоку, обгоняя все ветра. Вот он летит в небо, и замирает точкой на небосводе. Леша стал звездой выбравшейся из подземелья навсегда.

Немой

В начале было Слово. Слово упало на землю и рассыпалось на смерть. За пасухой, за сметанным рассветом озарил слепой целый мир своим культурным кодом. Не хотя мы начали жить.

Вот в таком мире и проживал немой. Иные еще называли его немтырем. Почему родился такой человек никто не знал. Почему он ошпарился на молоке, почему забыл свою маму?

Из груди вырвалось и иное значение. Оболочка янтарных каштанов вспыхнуло вдруг на шею. Все лицо покрылось язвами

1

Я ошпарил свой язык, но мне не было больно, я слышал звон капельницы и догадался что скоро проснусь. Мне снова захотелось начать писать что то важное и большое. Просто функцией, расколом, миражом. Я искал абсолют во всем. В каждом сне мне слышались шаги Бога. Мне чуялась паутина смысла даже в самом красивом лице. И без сомнения я стал другом немого.

Мы встретились на базарной площади. И сразу понял что он это он, и он признал меня. Так мы вошли на Эверест вместе.

2

Когда мне оторвало руку на войне, я сошел с ума (хотя эти

процессы начинались еще раньше, на много раньше) Так получилось что я родился сумасшедшим. И тогда я поставил на свой ум гири зацикленности, без всяких врачей. Я отказался от языка как от функций мыслепревращения. Ночь окутало мое и без того гнилое сердце.

Моя дочь, верующая в то что однажды я стану потоком разучилась говорить вскоре след за своим любимым сумасшедшим отцом. Пропать в которую мы спускались вела из шестиконечной звезды в панцирь бессмертного.

Бессмертие стало панцирем для тех кто боится придти к себе. Так мы вошли на Эверест вместе.

3

Когда человек пишет исключительно для себя, а не для того чтобы кто-то прочитал и воспринял, то он не имеет права быть собой. Такой вот парадокс художественного текста. Если же и не вышел из меня концептуалист, то признаюсь в самом страшном грехе своем, разложившим меня на куски как личность, этот грех и есть нечто иное как искусство. И чтобы искупить этот грех надо подружиться с немым, ибо живой всегда тянется к звезде, как ребенок к янтарному черепу куклы...

4

А что может ответить кукла своему мучителю? Как пустышке, лишённой воли и всех признаков жизни научиться говорить? И останется ли оно в таком случае само собой?

5

Любо дорого глядеть как немые чистят картофель! Желтый, белый, но парадоксально при этом грязный картофель. Как уверенно эти тихие мертвые люди держат нож! Как спокойно они вычищают катышки. Но один человек умеющий говорить не способен на подобное, уверяю вас, милые мои, случайные читатели! Дорогие читатели, если у Вас появилась возможность самолично наблюдать подобные сцены, знайте что это и есть абсолют. Подобно коже которая слезает из под пера поэта, благородного и приятного, так и быт лишает человек думать не ограниченно

Ибо человек, который любит считать и комбинировать звезды не может быть инвалидом!

Якоб Хлебски

го звали Якоб Хлебски. И занятие, которое он выбрал – класть асфальт.

У него не было возраста. У него были сильные загорелые плечи и тяжелый взгляд.

Волосы Якоба были цвета черного. Нос римский.

Хлебски его не настоящая фамилия. Настоящая фамилия – N

Каждый день без выходных он клал плитку асфальта, и пот градом лил с его лба под палящим огненным светилком.

На перерыв Хлебски уходил только вечером. Когда темнело. Его досуг заключался в потягивании пива Батт.

Жил Якоб в доме на колесах. И между людьми нашего города назывался бродягой.

2.

В его фургоне не было мебели. Только кушетка и холодильник, который набивался холодным пивом и рыбой с каждой полочки.

3.

Хлебски не любил говорить с людьми. За всю жизнь в нашем городе очевидцы слышали его голос лишь пару раз. При этом отмечалось, что голос был си́пльый и грубый.

4.

Продавцы в киоске, что продавали пиво называли Якоба

беспрезорником.

Смотрели сурово, хотя в душе и уважали за тяжелую работу, которую он выполнял в нашем городе.

5.

Можно было часами наблюдать, как Якоб усталый и грязный потягивает пиво из своей бутылки. Медленные, неторопливые глотки наполняли тишину ночной улицы.

Он становился частью бутылки, принимая ее жизнь к себе в желудок.

6.

Жизнь текла своим чередом: люди ходили по асфальту вымощенному Якобом. Топтали каблуками его пот. Люди ходили по асфальту с офиса домой по вымощенной дороге. Старели.

Якоб же казалось не старел. На лице так и не появилось ни одной морщины. С каждым годом пил он больше, и досуги его становились продолжительнее.

Но морщин от пьянства, как не странно не появлялось. Лишь реденькая седина- появилась у него через четыре год. А еще через год по воскресеньям он уже не выходил класть асфальт. У Якоба появился выходной. Он закрывался в своем фургоне, и лежа на неудобной кушетке, смотрел в потолок, осознавая что это его небо.

7.

И вот, что хотелось бы сказать. Я улышал голос Якоба Хлебски однажды: и могу уверить каждого- это голос кото-

рый сидит в каждом из нас. Голос пота и бесконечного пути от конца к началу и по кругу.

Поезда

Валентина стояла на вокзале и наблюдала за поездами. Поезда были ее друзья, она чувствовала их своей душой, всем сердцем, понимала как им трудно но ничем не могла помочь. А поезда уезжали и приезжали, люди с большими авоськами высаживались в город, пыхтя и покачиваясь после большой дороги. Валентина любила наблюдать за людьми, но не понимала их, ее были ближе и понятнее поезда. Можно сказать, что Валентина сама была таким поездом, идущая в путь от одной бесконечности к другой.

В ее планах было построить самой поезд, она собирала детали. И вот ей остался один гвоздь, и она знает где ее найти. Последний гвоздь в ее уме, но чтобы до него добраться нужны, нужны годы медитации и работы в лесу, чтобы гвоздь образовался материально.

Я это знаю, потому что люблю Валентину, я ее тень и защищаю ее. Валентина не знает что я живая, она наивно полагает, что я всего лишь отражение солнечного света. Наивная девочка! Даже если так, то почему я не могу быть живой как она? Странные эти люди, я их тоже не понимаю. Это нас роднит с Валентиной, разница лишь в том, что я в отличие нее не человек, а тень и имею право на недоверие к людям, когда она человек, просто другая, особенная, но она не должна быть одинокой, у нее должны быть друзья, а она только

что и делает что днями наблюдает за поездами. Когда Валентина соберет поезд, она поднесет его в жертву своему Богу Гречневой Каше, сожжет. Сожжет все что делала пять лет, и это правильно нужно уничтожать мосты, стирать свои следы в Вечности. Поскольку ее нет, ничто не вечно, а стараться оставлять следы лишь утопать в бессмысленной надежде на другую жизнь, люди просто этого не осознают.

Гречневая Каша, Бог, старый дедушка стоял на платформе. Валентина подбежала к нему, обняла.

– Ну, что ты. Как ты тут?

– Все хорошо, остался один гвоздь и твой подарок будет готов.

– Ты очень старательная. Я в тебя верю. У тебя все получится. – сказал он и растаял у нее на глазах, как прошлогодний снег, образовав крохотную лужицу.

Валентина осмотрелась и поняла надо идти домой.

Как дом на колесах Якоба Хлебски взлетел

Проснулся Якоб от сильного шума. Открыл глаза, прищурился, поднялся со своей старой кушетки, и приоткрыл окно. Свежий воздух ударил ему в голову. Испугавшись от тут же захлопнул окно. Его дом на колесах взлетел в небо. Он снова приблизился к окну, но сразу отшатнулся. Якоб Хлебски стал потным, больше всего он боялся потерять почву из под ног. И вот потерял, для него этот неожиданный взлет был равен падению.

Якоб зажался в угол. Ему было страшно. Он приставил, как внизу копошиться люди, маленькие точки, он не думал о них. Ему было просто страшно. Он просидел в углу добрый час.

Но все же осмелев, он направился к холодильнику, достал пиво и выпил сжадность всю бутылку разом, затем вторую, третью, четвертую, пятую, шестую, седьмую, восьмую. Все.

Он выпил последнее пиво, что было в холодильнике. И снова зажался в угол.

Через час он осознал свое положение, по прежнему трясась от страха, он поднялся с пола, обошел угол и сел на кушетку. Потолок, его небо, остался таким как прежде, а вот стены побелели. На цыпочках он подошел к двери и приот-

крыл ее. Потянуло воздухом и Якоб увидел, что дом уже не летит. Он застыл в воздухе. Якоб осмелел, и посмотрел вниз. Там не было города. Не было видно даже земли. Якоб почувствовал зов мочевого пузыря, все таки восемь бутылок пива, снял штаны, и начал мочеиспускание, направив струю вниз. Струя мочи лилась и застывала в облаках. Якоба позабавило это. Он натянул штаны и задумался. Но ему было очень страшно, и он опять зажался в угол.

Ночью дом на колесах Якоба приземлился. Но, куда? Якоб приоткрыл дверь. Он щурил глаза. Была ночь. Луна освещала дома за бугром. Якоб вернулся в свой город.

Он перекрестился, и сказал: " Слава облакам, завтра на работу, я жив и больше мне ничего не надо, спасибо Господи". Он сел на свою старую кушетку и сам не заметил, как уснул.

Лифт из дома 21

Он был хорошим человеком. Во всяком случае: хорошим директором, хорошим мужем, хорошим отцом, может быть он не дотягивал до гениального писателя, до интересного рассказчика, но злости на мир в нем не было ни грамм, а это, знаете ли, большая редкость для творцов.

Сейчас уже он наполовину сед, наполовину степенен, его ураган мыслей давно улегся в ритм бытовой реальности, он уже не мечтает о лаврах властителя сердец.

На писательство его вдохновляло многое: вкусное кофе, радуга после ливня, подземные черви. Он писал каждый день.

Еще в двадцать один год когда он только-только взял в руке перо он четко разграничил : Писатели делятся на два вида: кто своим стилем убивают так называемую объективную реальность, создавая миражи, оптические иллюзии, вода читателя в шаманский транс, в гипноз, и те кто бьют в лоб, указывая на мерзкие проявления объективности, впрочем, не забывая и указать о прекрасных свойствах окружающего мира. И он решил сочетать себе все несочитаемое, быть не уловимым логическими путями.

Один из первых его литературных опытов был маленький рассказик «Лифт из дома 21», отрывок которого мой приятель и разрешил поместить по старой дружбе в эту колон-

залетевшей на секунду в мою кабину. Насекомое стремится к свету. Садиться на наполовину сломанную лампочку, которая светит в центре моей «нервной системы»

Стрекоза видит мир таким какой он и есть. Красным, пурпурным, словно в огне. Мир действительно в огне, я тоже это вижу. Стрекозе тепло. Мне тоже тепло. Скоро должен прийти механик, моя вторая надежда, и я тоже полечу! Он откроет мои внутренности, избавит меня от trebuхи, которой наполняли с самого рождения добрые, и ни очень добрые люди, высвободит от сора и научит дышать, так как дышат киты.

Стрекоза потирает лапки, уверенно посматривая на плакаты реклам висящих на моих стенах. Роллы и пицца, фитнес, домашний кинотеатр, парикмахерская, педикюр – маникюр, все это пестрит, горит в моей железной оболочке, калеча поверхность, но не затрагиваю корку мозга.

Мой мозг – магнит. Он тянется к свету, притягивая как железо, собой к себе тьму. Мой мозг плещет электрическими импульсами, мой мозг макет, карта, но душа здание, реальность.

Пока я лифт – я на поверхности, но вот я слышу гулкие шаги по коридору, кашель, сальный смех, идут, идут.

Это двое в кожаных куртках. Они заходят в меня и нажимают цокольный этаж.

На этом представленный моим другом фрагмент обрывается.

«6. 12. 19 9:44»

Новая земля

В полупустом зале кинотеатра шел фильм. О небе. Это был необычный фильм, потому что он был с одной стороны черно-белый, но при этом, о небе. Но это не было немое кино, время от времени раздавался свист прыжков парашютистов, или треск пленки, или облака шумели своими листьями.

Фильм начался ровно в восемь часов вечера. В зале было ровно двадцать человек. Мы смотрели фильм о небе.

В реальном мире никто никогда не видел таких фильмов. А мы видели. Мы были избранными.

Рома, мой сосед, по месту в зале, поделился со мной немного попкорном. На экране появилось предупреждение: «Выплюньте соль, через пять минут взлетаем». Черно-белая звезда лопнула о крыло истребителя.

«В зале не курить» – второе предупреждение. Рома затушил о передние кресло бычок.

«Надевайте маски» – третье предупреждение

«Сейчас будет громко» – четвертое предупреждение.

В следующие мгновение всех зрителей выбросила волна шторма. По экранному небу пошли волны пустоты. Кто-то заменил пленку.

Через мгновение экран взорвался, и все мы побежали к выходу. Начался пожар.

«Пропускайте вперед женщин, детей и инвалидов» – пятое предупреждение.

В воздухе пахнет серой, слышится оргия барабанов. Значит это всего лишь часть сеанса, понимает мы, и остаемся на месте. Тем временем вывеска «Выход из зала» тухнет, а места превращаются в камни. «Мы в западне» – думаем мы, и снова начинаем волноваться.

Тем временем, запах попкорна и чипсов так свойственный кинозалам, начинает испаряться. Серы тоже больше не чувствуется, пожар прошел. Барабаны перестают бить, теперь мы просто смотрим на небо, в своем естественный цвете. Это больше не черно-белый фильм, это больше не фильм, нет.

Крыша и стены зала куда-то исчезают, остаются только камни и небо. (Полотно экрана пропало еще во время третьего предупреждения).

Двадцать человек, первоиспытателей новой формы искусства. Я чувствую легкий вкус травы на языке и хочу улыбнуться месяцу (но мне слишком хорошо, чтобы улыбаться) Я просто смотрю на небо и радуюсь что жив. Мы на улице.

Лена прервала тишину: -Пойдемте еще на карусели
–Давайте! – подхватывает Илья. «Только чур, место у окна, не занимать, я туда хочу»

–А, я хочу домой – плачет маленькая Вика

– Ну и иди, не кто не держит – говорит Лена

– Я с Викой- говорю я ребятам.

– Хорошо, Леша! Пока – говорят восемнадцать равных

пионерских голосов. И уходят в сторону мира.

Чистовик жизни

Как-то раз прочитав мою писанину один «старик» заметил : « Быть согласным со всеми – значит быть популистом. » Я не стал лезть в словарь, или в Википедию за значением этого слова. Мне было лишь пятнадцать лет, я только входил в это. Мне просто приятно было, что человек старшего возраста прочел, и отметил про себя, что я «тот то и тот-то. » Мне было плевать, что это значит.

А «старик» – ему был двадцать один год, сказал мне, научись не верить слепо всему, что говорят или пишут, а относись к жизни как к чистовику, который нужно наполнить дыханием и движением. И сомневайся в своем таланте, все время, иначе будешь самонадеянной пустышкой.

Я покивал головой и ушел к родителям обратно. Но я ничего не вынес. И вот я стою тут на площади, а вы в своих загаженных помарками чистовиках, со своими синяками и вмятинами на теле, пишете всю жизнь то, что вместиться в одну строчку на вашей могильной плите. Но кое-чему я все таки научился, я больше «не согласен со всеми», но и сказать, что я протестую тоже нельзя. Я где-то посередине между сомнением к миру и сочувствию к нему. Мне уже не хочется забирать. Я выбросил сотни чистовиков, и вот осталась одна единственная сиротливая тетрадка, а я стою на площади и с замиранием сердца чувствую, что и она скоро замол-

чит. Но пока все таки я дышу, а значит на моей могильной плите будут не много другие слова, чем у тех, кто перестал дышать еще при жизни.

«27. 03. 21»

Алиса

Утро наступило. Алиса потянулась и открыла глаза. Все было как всегда; ее каморка была сверху донизу наполнена пылью, Алиса не хотела убираться, а звать кого-нибудь на помощь тем более. Но Алисе естественно не нравилось дышать пылью, однако лень была сильнее. Алиса жила в коморке вместе с крысой по имени Мышь, она и сама готовилась вскоре такой стать, пройдя через зеркало истины, но пока у нее не удавалось. Они спали на одной кровати, кроватью служила деревянная жердочка, она была очень холодная, но что поделать. Мыши тоже не нравилось дышать пылью, но она также была очень ленива, что поделать. Поэтому так они жили.

Алиса вышла из каморки. Дверца сразу выходила в коридор, где вдали сиял какой-то тусклый свет фонаря. Скорее всего, там за этим коридором был парк, где были фонари. Сколько Алиса ни хотела это проверить, у нее не удавалось сделать и шагу больше метра. Ноги уносили обратно, Алиса боялась потеряться. Свет светил всегда: и утром, и днем, и вечером, и даже ночью. Значит, фонарь не выключали, в отличие от человеческого сознания, по ночам. Алисе не хотелось возвращаться обратно, но тут раздался писк крысы: – Алиса, вернись!

– Иду, иду -отвечала Алиса, а сама не шла, она стояла и

смотрела на свет фонаря, и думала о том, что где-то есть другое место, где-то есть свобода, где есть этот свет

– Ну, я долго буду ждать! – зашипела Мышь. Она не выдержала и даже высунула свою мордочку из коморки, ну тут и она увидела свет и замерла. Так они стояли и смотрели на далекий свет, хоть и тусклый, но напоминающий о далекой свободе, которая находится далеко-далеко, от их заключенных душ.

26. 03. 18

Последняя радость Оксаны

Когда Оксане исполнилось двадцать, она бросила курить и научилась плакать кровавыми слезами, ее немая плоть полюбила нашатырный спирт и БДСМ, сопли и память, метель и метлу, Бога и дворника.

Когда Оксане исполнилось двадцать, она научилась ненавидеть смерть, и восхвалять жизнь. В двадцать Оксана полюбила отстраненных, научившись манипуляциями с зеркалами. Занавешивая окна, она напевала про себя густую молитву: «Мир на мир будет грот» Этой молитве научил ее отец.

Отец сказал ей, Оксана, ты моя последняя радость в этой жизни. Но я больше не могу тебя содержать, меня попросили, сократили, зачеркнули, вымели, выдавили, а твоя мать-отстраненная, она не поймет тебя, она сейчас в тайге.

Я найду ее. Так говорила отцу Оксана.

На улице выла метель. Магазин «счастливое детство» уже закрылся на углу. Оксана набекрень надела шапку-ушанку, закусил удила, и вымелась из дому, словно сор на поляну.

Мама ждала ее на углу с букетом козых черепов, с жирными сальными червями, и осоловевшими взглядом проводила до тайги.

– До чего же ты стала, худая, как щепка, Оксана

– А у Вас новые морщинки, выскочили на лице

– Это тайга, милая моя, это тайга. Поживи со мной в тай-

ге. И найдешь свою последнюю радость, Оксана. Поживи со мной с годок. Будем вместе дрова колоть, молиться и голодать. Поживи со мной с годок, и поймешь что это такое видеть и в несчастье свое счастье, и быть отстраненным. Поживи со мной с годок, Оксана, и ты поймешь насколько истинная жизнь далека от тебя и меня.

Оксана рассказала о своих увлечениях, и умениях, о которых я говорил выше, а мама улыбалась, а затем, словно протрезвев от всяких улыбок, сказала, больше тебе не придется плакать и дня, я позабочусь о тебе.

И она достала из одного козлиного черепа мысль, повертела, повертела и говорит. Освятить бы надо, идти к колодцу, там иногда долька луны просачивается внутрь.

Из массы нетто этого козьего жира, мы сложим пастушью песню, которой и обратимся к ветру. Только поторапливайся. Нашатырь скоро перестанет действовать.

– А радость? Как же моя последняя радость? – запричитала Оксана.

– Радость- это не твердое, конечное состояние, а процесс. Освети мыслью песней иной, и звезда улыбнется в ответ тебе светом ночной. Покори свой покой. заслужи небытие же свое, в поступках своих и делах и совестях своих. Раскинь, раскинь свои плечи по полям и долам. Вымети свое несовершенство из скобок златоустных берегов своих, имени своего ради.

– Но я хочу радоваться здесь и сейчас. Я вернусь к отцу,

он парализован без меня. Он и есть моя последняя радость. И если я и нечаянно и напугала, его, он меня простит и обнимет. Я не буду эгоисткой, и я буду полом ног его, и все узнаю о страдании и раболепии, как червь невинной осоки. Лишившись главного, я обрела главное, и теперь и в несчастье моем есть мое счастье.

Но пока она это говорила, мысль вызволенная из козлинного черепа, раздвинула свои горизонты и стала черной дырой космоса. Трень-тренькнул будильник стихотворения. Брызнуло ароматное варево плюща.

Шесть утра. Магазин счастливое детство открыл свои двери.

Рада Оксана последней радостью, теперь она может купить все новое, все свежее. Свежее здоровье, свежие идеи, мысли, психику.

Больше не мучает ее биополярность. И дуальность тоже не мучает.

Она теперь твердо знает.

Я – не стрела, я- не огонь, я не обух и не обуза. Я- смех и смысл. Я робость от поцелуя на ветру, я опоздание на последний поезд, я мост от одной области к другой, я ошибка, я нервный срыв. Я и есть последняя радость Оксаны. Я – автор этого текста.

«01. 06. 21»